

Р.М. Шукуров

ТРАПЕЗУНДСКИЙ ГОРОСКОП 1336/1337 г. И ПРОБЛЕМА ГОРИЗОНТОВ ЖИЗНЕННОГО МИРА

1. Постановка проблемы и экскурс в историю ее описания

Одной из принципиальных проблем истории Византии, которая до сих пор так и не получила систематического разрешения, является вопрос о причинах стремительного упадка и гибели византийской цивилизации в XIII–XV вв. Современные историки выдвигали целый ряд объяснений тому, почему византийский мир, прежде столь устойчивый и гибкий перед лицом многих внутренних и внешних изменений, вдруг исчерпал свою жизненную силу и не смог найти адекватного ответа на очередной вызов истории. Эти объяснения принимают во внимание два класса гетерогенных (хотя и глубоко взаимосвязанных) факторов – так называемые, *внутренние*, порожденные изменениями в собственно византийских общественных и хозяйственных институтах, а с другой стороны, *внешние*, привнесенные из-за пределов византийского мира, из тюркско-мусульманского Востока, Западной Европы или славянского Севера.

Вместе с тем, исследователи вполне единодушны в том, что решающую роль в судьбе Византии сыграли не только *внутренний* (хозяйственный и социальный) кризис, но и *внешний* удар турок, в одночасье покоривших Анатолию, часть Балкан, а затем и сам Константинополь. При этом, *турецкий (тюркский) вопрос* решительно выводится за рамки внутренней жизни империи, *тюркское начало* квалифицируется как нечто сугубо чуждое и противоположное византийскому миру, а потому вдвойне разрушительное.

Кажущаяся самоочевидность такого толкования тюркского вызова долго препятствовала серьезному изучению конкретных *механизмов* освоения тюрками византийской ойкумены. При этом, особо подчеркнем, что описание таких механизмов никак не может ограничиваться лишь разработкой сугубо тюркологической тематики, сводимой к реконструкции "методов тюркского завоевания"¹. Не менее важно выяснить реакцию на встречу с тюрками самого византизма, как живого и борющегося (пусть, в конце концов, и проигравшего) цивилизационного организма. Как на микроуровне индивидов, дворцового, церковного, городского и сельского быта переживала византийская цивилизация свое отступление перед лицом более мощных противников. Воссоздание зримой картины *исторического проигрыша* Византии в этом цивилизационном противоборстве прояснила бы достаточно многое, а главное – действительную роль тюркских народов в трагедии, постигшей византийский мир, равно как и реальное соотношение между *внутренними* и *внешними* факторами истощения жизнеспособности византизма.

¹ См.: *Wittek P.* The Rise of the Ottoman Empire L., 1938; *Jennings R.C.* Some Thoughts on the Gazi-Thesis // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1986. Bd. 76. S. 151–161; *Lindner R.-P.* Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia. Bloomington, 1983. P. 1–43; *Matanov H.A.* Method of Conquest or a Stage of Social Development? // *ÉB.* 1989. № 3. P. 72–77; *Inalcik H.* Ottoman Methods of Conquest // *Inalcik H.* The Ottoman Empire. Organization and Economy. Variorum. L., 1978. N 1.

Не имея намерения давать в этом кратком очерке исчерпывающую характеристику исследовательских подходов к проблеме греко-тюркского противоборства, отметим лишь наиболее, на наш взгляд, существенные этапы в ее осмыслении. Первый важный шаг в сторону воссоздания механизмов разложения византизма сделан был Альбертом Вехтером, учеником Г. Гельцера, в его классической монографии "Der Verfall des Griechentums in Kleinasien im XIV. Jahrhundert"². Основываясь, преимущественно, на актах Константинопольского патриархата и "Notitiae episcopatum" А. Вехтер убедительно продемонстрировал стремительно нараставший кризис в анатолийском христианстве в XIV в. Эта книга замечательна явным несоответствием между сугубой фактографичностью и сухостью исследовательской манеры автора и ярко выраженным концептуальным зарядом самого подхода к материалу. А. Вехтер скуп на аналитические рассуждения, но сама идея рассмотреть изменения в организационных структурах Церкви в этнокультурном (а не только историко-церковном) ракурсе стоила много. А. Вехтером был обозначен один из базовых индикаторов и одновременно действенных факторов угасания византизма на территориях, перешедших под контроль мусульман, а именно развернувшийся процесс *дехристианизации и деэллинизации* анатолийского этнокультурного пространства.

Следующий принципиальный шаг в осмыслении проблемы был сделан много десятилетий спустя Спиросом Врионисом, концепция которого органично включила в себя и развила подход А. Вехтера. Сп. Врионис открывает и обосновывает фактор *номадизации* наиболее густонаселенных и хозяйственно значимых регионов Анатолии, которая влекла за собой массовое и скоротечное вытеснение земледельцев-автохтонов с их земель. Освоение византийской Анатолии тюрками рассматривается Сп. Врионисом как следствие тюркского завоевания, которое вводило в действие на покоренных землях два параллельных процесса – депопуляции территорий и исламизации греков, оставшихся под властью тюрков. Эти два связанных процесса, виртуозно продемонстрированные Сп. Врионисом на материале источников XI–XV вв., признаются в современной науке основными движущими силами в освоении турками византийского мира³.

Как мы видим, в толковании Сп. Вриониса проблема византийско-тюркской встречи остается в русле проблематики политического и этноконфессионального соперничества между греко-христианским и тюрко-мусульманским мирами. Концепция Сп. Вриониса закрепляет за тюрками статус *внешней* по отношению к византийскому миру силы, разрушительные для эллинизма потенции которой реализовывались почти исключительно через или вследствие *открытого насилия*.

Иной подход к проблеме греко-тюркской цивилизационной встречи был в свое время предложен Ф. Хаслуком в его до сих пор не потерявшей своего значения монографии "Christianity and Islam under the Sultans"⁴. Английский исследователь на примере верований, суеверий, обычаев и магических обрядов, циркулировавших по преимуществу в низших социальных пластах анатолийского населения под властью тюрков, наглядно демонстрирует христианско-мусульманское смешение, которое зачастую выливалось в некое неразделимое синкретическое единство элементов обеих религий в сознании непросвещенного греческого и тюркского обывателя.

Эту линию в историографии развил и в полной мере обосновал в своей книге известный тюрколог и грецист Мишель Баливе, который, подобно Ф. Хаслуку,

² Wächter A. Der Verfall des Griechentums in Kleinasien im XIV. Jahrhundert. Leipzig, 1903.

³ Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley (Cal.), 1971; *Idem*. Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 43–71.

⁴ Hasluck F.W. Christianity and Islam under the Sultans. Oxford, 1929.

концентрируется на позитивных трансформациях византийского и тюркского культурных субстратов, приводивших к постепенному их сближению. Более того, на основе широкого привлечения новейшего материала религиозных, культурных, политических контактов между греками и тюрками, французский исследователь выходит за пределы конфликтной бинарности греческого и тюркского начал. Не отрицая самого наличия конфликта между Византией и тюрками в военно-политической сфере, М. Баливе объединяет византийский и тюркский элементы в горизонтах одного пространства, обладающего известным этнокультурным единством – "Романии-Рума", ибо не только греки трансформировали тюркский мир, но и тюрки в его концепции оказывают осязаемое влияние на греко-византийский субстрат на уровне народной культуры, повседневности и мистического интеллектуализма⁵.

Нельзя не признать плодотворность подхода М. Баливе, который делает значительный шаг в реконструкции именно *микроуровня* контактов, некоего специфического пространства греко-тюркского "примирения" (*une aire de conciliation*). Тем не менее этот подход не особенно популярен в современной византистике. И этому есть свое, довольно простое объяснение – концепция Сп. Вриониса более лаконично и точно обрисовывает суть греко-тюркской встречи как исторического феномена. Во всем комплексе проблем, связанных с византийско-тюркскими взаимоотношениями, можно выделить две самоочевидные аксиомы, которые и заставляют исследователей делать выбор (осознанный или подсознательный) в пользу концепции Сп. Вриониса. Во-первых, все многообразие фактов "мирного сосуществования" и взаимоуподобления (или даже взаимоотождествления) греческого и тюркского элементов, фиксируемого в источниках, явилось продуктом – в первую очередь для греческой стороны – *вынужденного и нежелательного приспособления* к внезапно изменившимся условиям, которые носили однозначно разрушительный характер для традиционных форм жизни автохтонов. Во-вторых, проблема греко-тюркского взаимодействия должна быть оценена в контексте ближайшей исторической перспективы, которая однозначно указывает на то, что главным результатом византийско-тюркских контактов явилось исчезновение самой Византии как цивилизационного феномена: было бы слишком рискованной натяжкой перетолковывать этот неоспоримый факт смерти цивилизации как некую метаморфозу Византии в новом тюрком/турецком образе.

2. Латентная тюркизация

По высказанным причинам, мы, придерживаясь линии А. Вехтера и Сп. Вриониса, продолжаем интерпретировать греко-тюркскую встречу в ракурсе цивилизационного конфликта по преимуществу, конфликта губительного для одной из сторон. Однако материал византийско-тюркских контактов, извлеченный нами из корпуса разнообразных письменных и материальных источников византийского Понта эпохи правления Великих Комнинов (XIII–XV вв.) позволяет существенно скорректировать и дополнить общие установки современной концепции византийско-тюркского конфликта⁶.

⁵ Balivet M. *Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque*. Istanbul, 1994. Идеи М. Баливе, которые еще не успели получить должного резонанса в византистике, требуют самого пристального к себе внимания и развернутого критического разбора, который мы намереваемся предпринять в ближайшее время в отдельной работе.

⁶ На понтийском материале подход Сп. Вриониса развивал Э. Брайер в своей классической статье: *Bryer A.A.M. Greeks and Turkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29. P. 113–149 // Bryer A.A.M. The Empire of Trebizond and the Pontos / Collected studies series. L., 1980. N V.*

Сближаясь с М. Баливе, мы предлагаем рассматривать тюрское начало не только как *внешний* военно-политический фактор, воздействовавший на византийскую цивилизацию извне, но, по крайней мере с XIII в., как и один из элементов самого византизма, активно трансформировавший его облик *изнутри*.

В ряде наших работ мы выдвинули гипотезу *латентной тюркизации* византийского общества⁷. Под латентной тюркизацией мы понимаем целый комплекс изменений в недрах византийской цивилизации, в первую очередь в обыденной ментальности византийцев, происходивших под воздействием тюрков. Однако характер собранного нами материала заставляет нас расценивать эти изменения не столько как следствие "взаимовыгодного культурного обмена", обогатившего византийский субстрат (подход М. Баливе), но как один из разрушительных факторов, который, одновременно с нарастанием военно-политического соперничества, подспудно подрывал самоидентичность византизма, видоизменял его традиционные ценностные ориентации. "Латентными", или "скрытыми", мы называем эти видоизменения оттого, что они представляли собой подспудный процесс, неосознаваемый ни субъектами, ни объектами тюркизации.

Итак, сформулируем основные параметры описываемого нами на материале понтийского византийского общества феномена латентной тюркизации.

Анализ понтийской антропоники указывает на то, что в XII–XIV вв. происходит заметная трансформация в этнической структуре византийского Понта, выразившаяся в проникновении в автохтонную среду тюркского этнического элемента⁸.

Значительная часть тюрков на византийском Понте подверглась ассимиляции, выразившейся в первую очередь в их христианизации. Вместе с тем, материал письменных источников понтийского происхождения указывает на циркуляцию в греческой среде значительного числа заимствований из тюркского. Эти заимствования указывают на присутствие на Понте относительно многочисленных и лингвистически влиятельных групп носителей тюркского языка (или языков), которые и изменяли понтийскую языковую ситуацию. Этим тюркам, подданных трапезундских государей, мы называем *тюркоязычными византийцами*, которые, как можно предположить, в большинстве своем вошли в христианскую общину, но сохранили тюркский язык. Данные фонологического лингвистического анализа современных тюркских понтийских говоров позволяют предполагать, что по крайней мере уже в XIV в. на Понте существовали группы двуязычного (тюрко- и грекоязычного) населения⁹.

Внешнее давление тюрков на империю Великих Комнинов и присутствие тюркского этнического элемента в самой византийской среде вызвало к жизни

⁷ Шукуров Р. Восточные этнические элементы в населении Трапезундской империи // 18 Международного конгресса византистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. 2. С. 1052–1053; Shukurov R. Oriental elements in the Population of the Empire of Trebizond // Acts, 18th International Byzantine Congress, Selected Papers: Main and Communications, Moscow, 1991 / Editors-in-Chief I. Ševčenko and G. Litavrin. Vol. 2: History, Archaeology, Religion and Theology. Shepherdstown, 1996. P. 75–81; *Idem*. Between Peace and Hostility: Trebizond and the Pontic Turkish Periphery in the Fourteenth Century // MHR. 1994. 9/1. P. 20–72; Шукуров Р. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Сб. Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., 1995. С. 68–103; *Он же*. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления (очерки генезиса Средиземноморской ойкумены) (в печати); *Он же*. Латентная тюркизация: опыт византийского Понта // Byzantium. Identity, Image, Influence. Abstracts. XIX International Congress of Byzantine Studies, University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Copenhagen, 1996. № 3126.

⁸ См.: Шукуров Р. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв. ...

⁹ См. изложение лингвистической концепции Бернта Брендемоена (профессора Университета Осло) в нашей работе: Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое). Раздел 6. Концепция Бернта Брендемоена и "тюркоязычные византийцы".

целый ряд вторичных трансформаций. Признаки тюркизации фиксируются в военной сфере в дворцовом, городском и сельском быте, что в наличном комплексе источников выражается в появлении новой тюркской терминологии и в вытеснении тюркизмами старых греческих наименований.

В связи со сказанным можно сделать следующий немаловажный вывод: в структуре византийско-тюркских контактов необходимо развести два их аспекта, присутствующие в концепции Сп. Вриониса в нераздельном единстве: 1) *конфессиональный* (исламо-христианский конфликт и связанная с ним исламизация), 2) *этнический* (тюрко-греческий конфликт и связанная с ним тюркизация). В контексте конкретных прецедентов конфессиональный и этнический аспекты далеко не всегда совпадали друг с другом или сопутствовали друг другу. В случае понтийского общества внедрение тюркских элементов (этнических, языковых, бытовых) в греческую среду не только не сопутствовало исламизации греческого общества, но напротив зачастую предполагало христианизацию самих носителей этих чужеродных элементов.

3. Горизонты жизненного мира

Очевидно, что изменения в повседневном быте не могли не сопровождаться трансформацией в традиционных структурах византийского менталитета, о чем, собственно, тюркские заимствования вошедшие в понтийский, греческий в первую очередь, и свидетельствуют. В данной работе мы предлагаем взглянуть на проблему влияния тюркского начала на византийское сознание с несколько иной точки зрения, а именно сквозь призму *горизонтов жизненного мира* византийца.

Уточним, что в применении к разрабатываемой нами проблематике понимается под *горизонтом* – понятием, широко используемым в современных феноменологических исследованиях культуры и герменевтике¹⁰. В самом общем виде под горизонтами мы понимаем тот особый *контекст* сознания, поле априорных представлений и установок, которые, наделяя субъект неким *пред-знанием*, *подлежали* всякому новому опыту и во многом обуславливали его.

Очевидно, что горизонт сознания, которое само постоянно находится в процессе изменения во времени, но при этом сохраняет целостность и выраженную внутреннюю структуру, – категория сугубо историчная. С одной стороны, он аккумулирует в себе минувший исторический опыт, а с другой – он непрерывно передвигается вместе с субъектом, с каждым новым шагом освещая иные пространства и тем самым изменяясь¹¹. Именно через понятие *горизонта* наиболее точно фиксируется непосредственный ответ сознания на внешнюю событийность.

С этой точки зрения выявленные тюркские лексические заимствования в пространстве греческого языка и постулируемое греко-тюркское двуязычие в среде части византийцев обрисовывают нам *исторически сложившийся* "этнолингвистический" горизонт греческого сознания, которое находилось в процессе освоения чужеродного элемента, в котором этот чужеродный элемент уже стал его неотъемлемой и привычной частью. Это априорное и неосознанное восприятие чужого языка и, следовательно, его носителей, как интегрального элемента образа "собственного дома" и указывает на то латентное ментальное движение, которое все шире открывало византийца для освоения им чуждого тюркского мира, или же,

¹⁰ См., например: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 293–298; Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о "Чужом" // Логос. 1994. № 6. С. 77–94; Хестанов З.Р. Трансцендентальная феноменология и проблема истории // Логос. 1991. № 1. С. 67–75.

¹¹ Гадамер Х.-Г. Указ. соч. С. 296.

иными словами, которое *расширяло* горизонты византийца за счет включения элементов тюркского мира, прежде ему неизвестного или малоизвестного.

Ниже мы попытаемся развить тему горизонтов жизненного мира на другом, не менее красноречивом примере. Нам уже приходилось отмечать ориентализирующий сдвиг в топографической номенклатуре, циркулировавшей на Понте¹². В данной работе мы предлагаем выйти за пределы частной проблематики тюркских лексических заимствований и рассмотреть топографическую терминологию в более общем контексте топографических пределов актуального повседневного интереса, как они виделись понтийским греческим сознанием.

4. Трапезундских гороскоп на 1336–1337 гг.

От великокомниновской эпохи дошел до нас источник, будто бы нарочно созданный для решения подобных задач. Мы имеем в виду хорошо известный в науке "Трапезундский гороскоп 1336 года", сопровождающий астрономический альманах (таблицы расположения светил), составленный для города Трапезунда на период с 12 марта 1336 по 12 марта 1337 г. Гороскоп издавался дважды в начале этого века, а в 1994 г. английский исследователь Р. Мерсье впервые издал сам астрономический альманах, сопроводив его содержательным математическим и историческим комментарием, а также английским переводом предсказаний (перевод, правда, не избежал неточностей)¹³.

Альманах вплетен в рукопись № 525 мюнхенской Bayerische Staatsbibliothek, принадлежащую Андрею Ливадину и содержащую автографы его произведений. Однако альманах и предсказания записаны не его рукой, маловероятно также, что он был автором астрономических расчетов и текста предсказаний; по хорошо обоснованному предположению Р. Мерсье, создателем альманаха являлся полупоупенный Мануил – священник из Трапезунда, как предполагается, глава трапезундской астрономической школы и учитель Георгия Хрисокока; был ли Мануил автором предсказаний, сказать трудно, в любом случае, кроме астрологических познаний гипотетический автор гороскопа обладал недюжинным знанием в медицине¹⁴.

Как показал Р. Мерсье, астрономические таблицы составлялись согласно калкуляционным методам иранской астрономической школы, которые на рубеже XIII и XIV веков несколько потеснили традиционную для византийской астрономии птолемеевскую систему¹⁵. Причем, составитель таблиц черпал знание об иранской астрономии из персидских первоисточников. Он помечал в таблицах счет дней по мусульманскому календарю наряду с христианским счетом времени. Фонетическая форма мусульманской календарной терминологии, зафиксированной в таблицах,

¹² См.: Шукуров Р. Имя и власть на византийском Понте. Раздел 5. Двумерность мира.

¹³ Andreae Libadeni Trapezuntii praedictiones pro anno mundi 6844-1336 p. Chr. n., excerpta ex Cod. 12 (Monac. 525), Codices Germanicos / Desc. F. Boll. Bruxellis, 1908 // CCAG. 1908. 7. P. 152–160; Τραπεζουντικὸν ὄροσκόπιον τοῦ ἔτους 1336 / Ξεκδ. Σπ. Αἰμίρος // NE. 1916. 13. С. 33–50 (Далее: Lampros Sp.); Mercier R. An Almanac for Trebizond for the Year 1336 / Corpus des astronomes byzantins. T. VII. Louvain-la-Neuve, 1994. О гороскопе см. также: Tihon A. Tables islamiques à Byzance // Byzantion. 1990. Т. 60. P. 417–418; Eadem. Études d'astronomie byzantine. Variorum Reprints. L., 1994. N VI.

¹⁴ Mercier R. Op. cit. P. 79, 92–96, 154. О трапезундском священнике Мануиле см. также: Tihon A. L'astronomie byzantine (du Ve au XVe siècle) // Byzantion. 1981. Т. 51. P. 616–618; Eadem. Les tables astronomiques persanes à Constantinople dans la première moitié du XIVe siècle // Byz. Т. 57. 1987. P. 473, 477–479, 481–482, 484. Not. 67; Eadem. Tables islamiques à Byzance. P. 418; Eadem. Études d'astronomie byzantine... N I, V, VI).

¹⁵ Pingree D. Gregory Ghioniades and Palaeologan Astronomy // DOP. 1964. Vol. 18. P. 133–160; Tihon A. Les tables astronomiques persanes...

указывает на знание автором если не письменного, то по крайней мере разговорного персидского языка¹⁶.

Однако составитель альманаха, будучи приверженцем иранской школы астрономии и знатоком персидского языка, тем не менее являлся христианином и был причастен к собственно византийской космологической традиции. В таблицах астроном пометил не только христианские и мусульманские названия месяцев, но и даты главных христианских церковных праздников¹⁷. Он отдал дань и Птолемею, исходя из птолемеевских географических координат Трапезунда и игнорируя новые и более точные арабо-персидские данные¹⁸.

То же можно сказать и об авторе гороскопа. "Христианский" характер предсказаний совершенно однозначно постулируется в самом начале гороскопа, где дата грядущего года дается по византийской системе от Сотворения мира. В самом тексте он сулит добро τῷ ἀγίῳ ἡμῶν αὐθέντῃ, именуя царя "нашим"¹⁹. Язык гороскопа хотя и безыскусен, но вполне грамотен. Для последующего изложения нам важно подчеркнуть: нет сомнений в том, что гороскоп писался византийским подданным и греком.

Уникальность гороскопа обусловлена тем, что это – единственный во всей византийской письменности целиком сохранившийся астрологический прогноз общего характера²⁰, предназначенный не для индивида, но для коллективного адресата, а именно для всего трапезундского общества от царя и до простого народа (κοινὸς λαός). Гороскоп охватывает все страты общества, но будучи создан как письменный текст, он ориентирован, можно думать, на высшие и на грамотные средние слои населения по преимуществу. Причем ориентированность предсказаний отчетливо отражена в самой структуре гороскопа: первая его половина разбита на отдельные главки, которые содержат общие предсказания для 1) василевсов, 2) вельмож, 3) грамматиков и нотариев, 4) архиереев и клириков, 5) архонтов и воинов, 6) старцев и евнухов, и наконец, 7) предпринимателей (πραγματευταί) и торговцев.

Отметим, попутно, что само это перечисление представляет собою уже готовую "социологическую концепцию", некую таксономию социума, как она виделась современнику. Причем, в этой "социологии" "простой народ" вообще не выделен в отдельный элемент таксономии, но "прилеплен" к концу седьмого разряда торговцев²¹, клир же и военное сословие, как это ни странно, поставлены ниже "грамматиков и нотариев". Подавляющая часть предсказаний прямо называет своим адресатом помимо царя, либо знать и чиновничество (μεγιστάνες²², μεῖζονες²³, ἄνθρωποι μεγάλοι²⁴, ἄρχοντες²⁵, στρατιῶται/στρατός/στρατόπεδα²⁶, νοτάριοι²⁷,

¹⁶ На это указывает достаточно высокая степень точности в передаче арабских имен месяцев. Вместе с тем, ударения в некоторых случаях проставлены в согласии с орфоэпическими правилами персидского языка: σαφάρ, ρατζάπ (тогда как в арабском произношении ударение должно падать на первый слог); Mercier R. Op. cit. P. 40, 42, 52, 54.

¹⁷ См. пометки на полях таблиц: Ibid. P. 30–55.

¹⁸ Ibid. P. 76–77.

¹⁹ Lampros Sp. Op. cit. P. 38⁸.

²⁰ Ср.: Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 2. S. 244–257.

²¹ Lampros Sp. Op. cit. P. 40²⁷.

²² Ibid. P. 39⁸, 21–23, 28, 41²⁰, 42²⁰, 43¹⁵, 44^{6, 16}, 45¹¹.

²³ Ibid. P. 41¹⁸.

²⁴ Ibid. P. 43¹².

²⁵ Ibid. P. 38¹⁰, 40⁶.

²⁶ Ibid. P. 38⁹, 40^{6–9}, 43⁶, 44^{5, 25}, 45^{5, 14–15}.

²⁷ Ibid. P. 39^{24–25}, 43^{6, 12}.

γραμματικοί²⁸, εὐνοῦχοι²⁹, ὀνομαστικοὶ καὶ εὐγενεῖς γέροντες³⁰), либо клир (ἀρχιερεῖς καὶ κλήροι³¹, μοναχοί/μονάζοντες³², ἱερεῖς³³), либо торговцев (крупные торговцы, предпринимавшие дальние поездки; перекупщики, торговавшие привозными товарами; мелкие торговцы-пазариоты)³⁴.

После общих предсказаний следуют прогнозы по временам года (начиная с весны), а затем – по декадам каждого месяца. Основные темы гороскопа – предсказания относительно удачи в профессиональной деятельности, обогащения, урожая, торговой конъюнктуры, здоровья и болезней, погоды, природных и социальных катаклизмов, бытовой преступности. Причем следует отметить, что гороскоп – представляя собою непосредственное, временами наивное повествование – носит сугубо утилитарный характер, а это обстоятельство, по-видимому, и уберегло его содержание от литературной обработки или подгонки под нивелирующее риторическое "должное". Эти особенности делают гороскоп совершенно уникальным источником для реконструкции обыденного сознания, а именно ценностных установок, чаяний, повседневных интересов, страхов и радостей³⁵.

Таким образом, предсказания, будучи сами по себе каталогом повседневного интереса, фиксируют *типическую интенциональность* наиболее деятельных, динамичных и образованных страт общества, причастных к власти и богатству.

5. Топографический горизонт обыденного интереса

Итак, зададимся вопросом, как далеко за пределы самой империи простиралось внимание понтийского византийца в его каждодневных трудах, до каких *топографических пределов* доходил его повседневный насущный интерес? Иными словами, какое знание о внешнем мире стало интегральной частью трапезундской обыденности?

Топонимический горизонт предсказаний ошеломляет своей неожиданностью.

На севере предсказания упоминают только Татарию (Ταταρία³⁶), т.е. золотоордынские владения, а также "хазарейские земли" (χώρας τῆς Χαζαρίας³⁷) – для этой эпохи наименование, по всей видимости, почти синонимичное Татарии/Золотой Орде и обозначающее Крым и Кыпчакскую степь³⁸.

Из анатолийских топонимов упомянуты Туркия (Τουρκία³⁹) – распространенное в ту эпоху обобщенное именование тюркской Анатолии⁴⁰, в Восточной Анатолии и

²⁸ Ibid. P. 39⁹, 25–28; 42¹⁷; 43¹⁵, 18, 26, 44¹⁷, 22; 45⁷, 23.

²⁹ Ibid. P. 40^{10–15}; 43⁵, 15, 24; 44²⁶; 45⁸.

³⁰ Ibid. P. 40^{10–15}, см. также 43²⁸, 44⁹, 24, 30; 45²⁴.

³¹ Ibid. P. 40^{6–9}; 43²³.

³² Ibid. P. 42¹⁷; 44⁶.

³³ Ibid. P. 43⁵.

³⁴ В литературе подробно анализировались данные гороскопа о трапезундской торговле: Zachariadou E. Trebizond and the Turks (1352–1402) // AP. 1979. Vol. 35. P. 353. Подробнее см.: Karpov S.P. L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma. 1204–1461. Roma, 1986, P. 18, 41, и особ. – P. 46; Lampros Sp. Op. cit. P. 40^{19–22}, 27–28, а также P. 44⁷.

³⁵ Первый, может быть, слишком общий и торопливый анализ текста гороскопа как источника по византийской повседневности предпринят не так давно М. Варвунисом: Varvounis M.G. Οψεις τῆς καθημερινῆς ζωῆς στὴν Τραπεζοῦντα τοῦ 14ου αἰῶνα – Ἡ μαρτυρία τοῦ Ὁροσκοποῦ τῆς Τραπεζοῦντος (1336) // AP. 1994. Vol. 45. P. 18–36. В качестве приложения к статье воспроизведено издание гороскопа Сп. Лампросом.

³⁶ Lampros Sp. Op. cit. P. 44¹⁶.

³⁷ Ibid. P. 41²²; комментарий Сп. Лампроса: P. 48.

³⁸ Ibid. P. 41²²; 44¹⁶; Шукуров P. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв. ... С. 84 (№ 57), 87.

³⁹ Lampros Sp. Op. cit. P. 44¹⁶.

⁴⁰ К XIV в. именованья "Страна тюрков", "Туркия" превратились в обычные названия для мусульманской Анатолии не только в греческой, но и в арабской, персидской, армянской традиции.

Сирии – Курдистан (Κουρτιστάν⁴¹), Амид (Ἀμήτιν⁴²), сама Сирия (τὸ Σιάμ· εἰς τὸ Σιάμην⁴³), Мосул (Μουσοῦλ⁴⁴).

Подробно представлена топонимика Ирака и Западного Ирана: Багдад (Βαβυλῶν⁴⁵), Муган (Μουγάν⁴⁶), Гилян (Κοιλάνιν⁴⁷), Табриз (Ταυρέζ⁴⁸).

Далее на юг – упомянуты Палестина⁴⁹, Египет (Μήστριν⁵⁰). Присутствует также указание на загадочные τὰ πέριξ τοῦ Χάτζης⁵¹. Р. Мерсье толкует это словно как топоним – малоизвестный в средневековые городок Hazza (Hezza) в Южном Курдистане. На наш взгляд, более вероятно, что τὰ πέριξ τοῦ Χάτζης следует переводить как "земли в окрестностях паломничества (хаджжа)", под которыми подразумевалась область двух мусульманских священных городов в Аравии – Мекки и Медины⁵². Если наша гипотеза верна, то аравийские Священные города – самая удаленная точка географии трапезундского обыденного интереса.

И наконец, под именованием Восток (Ἀνατολή⁵³), по всей видимости, обобщены мусульманские тюрко-ирано-арабские земли востока и юга.

Вместе с тем, по убеждению составителя гороскопа, трапезундца в его повседневных заботах вряд ли может заинтересовать что-либо конкретное в христианской ойкумене – в гороскопе не упомянут *ни один* христианский топоним. Возможно, что христианские земли подразумеваются в предсказаниях под неким обобщенным "Западом" (Δύσις), упомянутым дважды (ἀνδροκτασίαν εἰς τὴν Δύσιν и εἰς τὴν Δύσιν μέγας θάνατος)⁵⁴. Однако даже и в этом случае нельзя полностью исключить вероятности того, что под "Западом" имеются в виду анатолийские территории, по преимуществу прилежавшие с запада к границам империи и находившиеся во владениях тюрков.

Два обстоятельства поражают более всего: отсутствие в гороскопе упоминаний, во-первых, Константинополя, во-вторых, итальянских черноморских поселений. Между тем, как хорошо известно по другим источникам, и Константинополь, и итальянские черноморские фактории играли первостепенную роль в политике и торговле Трапезунда⁵⁵. Причем отметим, что в отношении Константинополя понтийская политико-идеологическая рефлексия продолжала пребывать в русле общевизантийской традиции. В хронике Михаила Панарета Константинополь

⁴¹ Ibid. P. 41³¹.

⁴² Ibid. P. 40³¹.

⁴³ Ibid. P. 43⁹; комментарий Сп. Лампроса: P. 48–49. Об этом и подобном варианте топонима см.: Shukurov R. The Campaign of shaykh Djunayd Safawi against Trebizond (1456 AD/860 H) // BMGS. 1993. 17. P. 135.

⁴⁴ Lampros Sp. Op. cit. P. 44²⁷.

⁴⁵ Ibid. P. 39¹⁸.

⁴⁶ Ibid. P. 41¹.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid. P. 39¹⁸. У Михаила Панарета: ἐν τῷ ὄρει τοῦ Ταυρεζίου (Μιχαὴλ τοῦ Παναρέτου περὶ ὧν Μεγάλων Κομνητῶν, εκδ. Ὁδ. Λαμπρόδης. Αθήναι, 1958. P. 62⁷; Bryer A.A.M. The ate of George Komnenos Ruler of Trebizond (1266–1280) // BZ. 1973. Bd. 66. P. 340 = *idem*. The Empire of Trebizond and the Pontos / Variorum collected studies series. L., 1980. N IV).

⁴⁹ Lampros Sp. Op. cit. P. 39¹⁸.

⁵⁰ Ibid. P. 40³¹.

⁵¹ Ibid. P. 41⁵; поправка Р. Мерсье в прочтении топонима: Mercier R. Op. cit. P. 155. Not. 6.

⁵² Это толкование, во-первых, в большей степени отвечает общей логике предсказаний, обозначивших наиболее крупные и значительные географические точки зарубежья, а во-вторых, оно более корректно расшифровывает слово Χάτζ – точное фонетическое соответствие арабского ḥājj, "хаджж", "паломничество".

⁵³ Lampros Sp. Op. cit. P. 43³¹.

⁵⁴ Ibid. P. 43⁸; 45^{15–16}.

⁵⁵ Карпов С.П. Op. cit.; Карпов С.П. Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. 1974. Т. 36. С. 83–99.

наделен более высоким статусом, нежели сам Трапезунд: Константинополь в большинстве случаев именуется "Городом" (πόλις, μεγάλη πόλις и μεγάλη πόλις), тогда как столица империи Трапезунд остается всего лишь Трапезундом, одним из "городов"⁵⁶.

Не исключено, что "Татария" и "хазарейская земля" включали в себя и итальянские фактории в Северном Причерноморье, а под "Западом" подразумевалась палеологовская Византия и Константинополь. Даже если это так, сам "тюркизирующий" характер генерализации в первом случае и слишком отстраненное обобщение во втором – говорят о многом.

Перечень упоминаемых этнонимов, которые по своей природе тесно связаны с топонимией, только подтверждает представленную выше картину. Из христианских народов в первую очередь упомянуты сами "жители ромейских земель" (οἱ δὲ ἐν ταῖς χώραις τῶν Ῥωμαίων), под которыми подразумевались прежде всего понтийцы, которым и предназначался этот гороскоп⁵⁷. Можно предположить, что множественное число χώραις охватывает государства Палеологов и Дук Эпира и косвенно указывает на фактическую расколотовость и многоцентрированность византийской ойкумены. В двух случаях названы "христиане"⁵⁸, в первом из них (ἐν πᾶσι τοῖς Χριστιανοῖς) однозначно подразумевались не только понтийцы, но и весь христианский мир. Как бы то ни было, оба этноконфессиональных термина слишком уж обобщенно обозначили христианский мир за пределами Понта.

Приведенная в предсказаниях палитра представителей мусульманского мира много более дифференцирована и конкретна, она указывает на то внимание, которое оказывали трапезундцы реальному этногосударственному строению мусульманского мира: названы турки⁵⁹, татары⁶⁰, арабы⁶¹, присутствует и обобщенное именование агаряне⁶², синонимичное "мусульманам".

Как мы видим, в своей обыденной жизни грек-понтиец стоял спиной к христианскому Западу и лицом к тюрко-ирано-арабскому Востоку. Несмотря на "иранизированность" астрономической базы предсказаний вряд ли можно заподозрить автора гороскопа в сознательном или бессознательном искажении общей картины интересов его соотечественников; как мы показали выше, автор предсказаний принадлежал к понтийской византийской среде, будучи христианином и греком.

6. Главные потребители информации о Востоке

Контекст, в котором упоминаются топонимы и этнонимы, достаточно точно указывает на потребителя информации о загранице. Эти сведения, как правило, имеют конкретного адресата – либо политика, либо торговца, либо их обоих, и носят сугубо утилитарное значение, применимое, как, наверно, полагал составитель гороскопа, в планировании конкретной рутинной деятельности в грядущие месяцы. На это есть достаточно точное указание в тексте гороскопа.

Так, в общем предсказании для царей (о нем мы уже упоминали выше) сообщается, что в наступающем году "...время от времени будут наследоваться [царства], в особенности, в Вавилоне, Табризе, Палестинском царстве, и много

⁵⁶ Panaretos. Index.

⁵⁷ *Lampros Sp.* Op. cit. P. 39⁵⁻⁶.

⁵⁸ Ibid. P. 38⁷; 44²².

⁵⁹ Ibid. P. 41⁴; 44¹⁸; 45².

⁶⁰ Ibid. P. 42¹⁻².

⁶¹ Ibid. P. 41⁴; 45².

⁶² Ibid. P. 44⁷.

слухов о них, и [в делах их] по большей части неопределенность"⁶³. В общем предсказании для "предпринимателей и торговых людей" сообщается: "Войны же будут во многих местах и человекоубийство. В особенности в Амиде, Мисре, Курдистане, в // Гиляне в Мугане, особенно, в течение всего месяца апреля"⁶⁴. Затем, в том же отрывке, предсказав повышение цен на хлеб, ячмень и другие продукты, астролог предрекает, что в наступающие месяцы, "наибольшее стеснение будет [в землях] турков и арабов и в землях в окрестностях *хаджжа*"⁶⁵.

Таким образом, по мысли предсказателя, именно для политиков и торговцев в их повседневных заботах должны были оказаться интересными и необходимыми сведения о мусульманских территориях, как близких, так и весьма отдаленных. Можно, следовательно, предположить, что и другие предсказания о мусульманских территориях, рассыпанные ниже по частным предсказаниям на времена года и отдельные месяцы, также предназначались для царей и торговцев: весной ожидалось появление саранчи в "землях хазарейских", в апреле – мор в Сирии, в июне – смута на Востоке, в августе – войны в Турции и Татарии, в сентябре – великая беда в Мосуле, и наконец, в октябре – чума и неурядицы в землях арабов и турков.

Бросается в глаза сугубая негативность продуктов "футурологической экспертизы" почти для всех этнотопографических единиц за пределами империи. Это лишь подчеркивает утилитарный характер гороскопа. Астролог концентрируется на катастрофических прогнозах, отвечая потребностям политиков и торговцев, для которых жизненно важным было знать о событиях, кардинально изменяющих существующие взаимоотношения империи с мусульманскими соседями-соперниками⁶⁶, так и обычный ход торговли на Востоке и Севере.

Вместе с тем указанная обращенность информации о мусульманском зарубежье к политикам и торговцам отнюдь не сужает область ее хождения и фактического повседневного к ней интереса. Напротив, было бы естественным предположить, что международное политическое и торгово-экономическое положение империи интересовало много более широкий круг образованных византийцев Понта, патриотов своей державы и своей культуры. Вряд ли можно сомневаться, что образованные клирики, военно-родовая знать, а также люди интеллектуальных профессий (чиновники, юристы, писцы, преподаватели и т.п.) проявляли интерес к международной политике и торговле, а если это так, то можно думать, что гороскоп обрисовывал также и их топографический горизонт.

Обсужденные выше данные вовсе не означают, что понтийцы не знали других городов, народов и стран. Например, хроника Михаила Панарета – единственный понтийский текст, который содержит систематическое изложение официальной военно-политической и дипломатической истории империи, даст нам иной набор топонимов и обрисует нам существенно отличающийся горизонт, не вполне совпадающий с только что описанным. Панарет воспроизводит топографию официозного, идеологизированного политического интереса и фактической военной истории Трапезундской империи. В центре его топографической картины стоит даже

⁶³ *ibid.* P. 39¹⁷⁻¹⁹. См. также выше § 5.

⁶⁴ *Ibid.* P. 40³⁰⁻⁴¹.

⁶⁵ *Ibid.* P. 41²⁻⁵.

⁶⁶ Хотя нельзя не отметить в связи с этим, что топографический горизонт гороскопа на Востоке много шире тех дипломатических горизонтов Трапезундской империи, которые мы в состоянии восстановить по сохранившимся источникам. Так, совсем ничего не известно о сношениях Трапезунда в XIV в. с Золотой Ордой, Египтом, с восточноанатолийскими, сирийскими эмиратами, Палестиной, и тем более – с Аравией ("земли хаджжа"?). О политических связях с монгольскими Ираном известно лишь для предвдущей эпохи – для второй половины XIII в. (*Bryer A.A.M. The Fate of George Komnenos...; Idem. The Grand Komnenos and the Great Khan at Karakorum in 1246 // Res Orientales. T. VI (Itinéraires d'Orient. Hommages à Claude Cahen).* 1994. P. 257–261).

не Трапезунд, но Константинополь⁶⁷ – вожденная мечта Великих Комнинов, по крайней мере на протяжении XIII в. Точно так же свои особенности имеют внешние миры в текстах церковного характера, в энкомиях (особенно, текст Виссариона), в интеллектуализированных путевых записках Ливадина и т.д.⁶⁸ Каждый из разрядов источников отражает разные измерения сознания, различные его "голоса" и "тональности". Отмеченное обстоятельство свидетельствует только о том, что действительный горизонт жизненного мира сложен по своему составу и складывается из множества частных сегментов, накладывающихся друг на друга и взаимодополняющих друг друга. Настоящее исследование было посвящено реконструкции лишь одного из многочисленных сегментов действительного горизонта.

7. Итог

Итак, подведем некоторые итоги. Как удалось установить, у понтийских византийцев центр тяжести обыденного интереса во внешнем мире был явно смещен в сторону тюрко-ирано-арабского Востока. Таким образом, гороскоп фиксирует процесс *ориентализации* обыденных интенциональных установок, причины которой, мы думаем, следует искать прежде всего в воздействии имеющегося политико-экономического и этнокультурного окружения, в котором оказались понтийские византийские территории после 1204 г. Оторванность Понта от ядра византийского мира, политическое давление мусульманского Востока и в немалой степени сложившаяся торгово-экономическая реальность заставляли трапезундских торговцев и политиков – в той мере, в какой они зависели от доходов торговли, – встать лицом к Востоку.

Описанный в настоящей работе феномен вносит некоторые дополнения в развиваемую нами концепцию *латентных* изменений в византизме под воздействием встречи с тюркским миром. Отмеченная ориентализация "обыденной географии" понтийцев представляла собой другую, так сказать, *внешнюю* компоненту того сложного подспудного и более общего процесса, который теперь, по итогам настоящего исследования, мы предпочли бы называть *латентной ориентализацией*. Внутренняя тюркизация в этом процессе была, по-видимому, лишь одной, хотя и немаловажной движущей силой. Не только тюркизация, шедшая "изнутри" византийского общества, но и воздействие той изменившейся политико-экономической и этнолингвистической среды, в которой это общество существовало начиная с начала XIII в., повлекли за собой изменения в *содержании* горизонтов византийской ментальности, заметное раздвижение горизонта за счет мира Востока.

Постулируемая ориентализированность формировалась в результате аккумуляции в сознании *потока частных опытов*, как негативных (война, политико-конфессиональная конфронтация), так и позитивных (тюркское присутствие "в собственном доме", торговля, информационный обмен и т.д.). В итоге и в ходе этой ориентализации византиец постепенно лишался былого автаркического иммунитета по отношению к внешнему не византийскому негреческому миру.

Конечно, возникает закономерный вопрос: насколько приложимы сделанные выводы к другим поздневизантийским обществам? На этот вопрос пока нет доказательного ответа. Как можно предположить по ряду косвенных данных, процессы внутренней тюркизации византийского общества проявились в той или

⁶⁷ См. примеч. 56.

⁶⁸ Bessarion. 'Εγκώμιον εἰς Τραπεζοῦντα / Ed. O. Lampsides // AP. 1984. Vol. 39; 'Ανδρέου Λιβανίου βίος καὶ ἔργα / Ἐκδ. 'Ο. Λαμπιδής // AP. Παράρτημα, 7. Αθήναι, 1975.

иной мере на большей части византийского мира (в Западной Анатолии в XII–XIV вв., на Балканах в XIV–XV вв.)⁶⁹. Вместе с тем описанная в настоящей работе ориентализация горизонтов обыденного интереса, по крайней мере в отмеченных масштабах, может оказаться явлением, характерным исключительно для понтийского византийского анклава. Можно предположить, что понтийское обыденное сознание претерпевало много большую меру ориентализации, нежели западно-византийские общества. Однако систематическое доказательство высказанной гипотезы – дело будущего.

Как бы то ни было, на частном примере понтийского ареала мы предлагаем избежать концептуальной бинарности двух главных подходов к проблеме греко-тюркской встречи – концепции конфронтации (Сп. Врионис) и концепции "примирения" (М. Баливе) – благодаря особой *интериоризирующей процедуре*. Опробованная нами методика, базирующаяся на феноменологической реконструкции горизонтов жизненного мира, предоставляет возможность в измерении актуального, действительного сознания свести в непротиворечивое единство весь многообразный поток опыта, который греки обретали в результате встречи с тюркским миром. В предложенном ракурсе главным предметом рассмотрения становится не культурный, политический или экономический факт взаимоотношений, но феномен византийского сознания, как такового. Не столь важны внешние обстоятельства этого опыта – обретался ли он на полях сражений или в ситуации "мирного взаимобмена" информацией, важно то, какой след оставлял этот опыт в данности византийской ментальности. Акцент, таким образом, переносится с эксплицитных проявлений греко-тюркских контактов (по преимуществу негативных у Сп. Вриониса и по преимуществу позитивных у М. Баливе), на то, как византийское сознание в действительной неразделенности *переживало* весь свой многообразный опыт встречи с чуждым.

Предложенный в настоящей работе подход, как представляется, создает новые возможности для реконструкции механизмов освоения тюрками византийского пространства, а значит, и для воссоздания адекватной картины исторического проигрыша византийской цивилизации во всей его сложности и глубине.

⁶⁹ О тюрках на западновизантийских землях см., например: *Atabinen R.S. Les Turcs à Constantinople du Ve au XVe siècle // Revue d'Histoire diplomatique. 1953. Т. 67. P. 338–364; Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor... P. 76; Idem. Nomadization and Islamization in Asia Minor... P. 59; Zachariadou E. Notes sur la population de l'Asie Mineure turque au XIVe siècle // BF. 1987. Bd. XII. P. 225–226; Savvides A.G.C. Late Byzantine and Western Historiographers on Turkish Mercenaries in Greek and Latin Armies: the Turcoples/Tourkopouloi // The Making of Byzantine History. L., 1993. P. 122–136; Necipoglu N. Ottoman Merchants in Constantinople during the First Half of Fifteenth Century // BMGS. 1992. Vol. 16. P. 158–169 (в последней из упомянутых статей подтверждается новейший материал о мусульманских жителях Константинополя, которых, в частности, василевс Мануил II однажды назвал "нашими тюрками"). Проникновение тюрков в сельские и городские низы подтверждается западновизантийским актовым материалом, зафиксированном у Э. Траппа (*Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976. Bd. 1*), но пока не получившем систематического рассмотрения в интересующем нас аспекте. Ряд восточных имен из западновизантийского актового материала отмечен в нашей анкете, в качестве параллелей для понтийской антропонимики (*Шукуров Р. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв. ... С. 75–84*). Значительная часть тюркских лексических элементов, зафиксированных в византийских источниках, собрана у Д. Моравчика (*Moravcsik G. Byzantinoturcica. Leiden, 1983. Bd. 2*).*